

А.П. Кривошей (Запорожье – Киев, Украина)

СТРУКТУРЫ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖЕНЩИН КАЗАЦКОГО ЗАПОРОЖЬЯ В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ИНТЕРЕС к изучению структур военной повседневности женщин¹ казацкого Запорожья² в украинском научном дискурсе впервые проявился в начале XIX в. в работах фольклористов, этнографов и региональных историков-краеведов Николая Цертелева (1819)³, Михаила Максимовича (1827)⁴, Ивана Срезневского (1833)⁵, Аполлона Скальковского (1838)⁶. Эти исследователи обнародовали тексты украинских исторических песен, казацких дум и воспоминаний, в которые женская составляющая была «вмонтирована» как неотъемлемая часть повседневной жизни украинского пограничного (казацкого) социума XVI–XVII вв. в условиях военного положения, войн и вооруженных локальных конфликтов. Спецификой работ названных авторов стало осознание того, что жизненное пространство подавляющего большинства женщин Украины раннего Нового времени было тесно связано с войском и повседневной жизнью запорожского и украинского казачества. В психологическом настрое и поведенческих стереотипах этих женщин легко прочитывался мощный внутренний потенциал сильных, способных оказывать сопротивление неблагоприятным жизненным обстоятельствам и бороться за себя личностей. Однако, в условиях господства в имперском общественном сознании домостроевских взглядов на женщину и ее положение в обществе⁷ эта особенность украинского казацкого фольклора принята во внимание не была⁸. Опершись на выявленные в региональных архивах Новороссийской губернии материалы актовой документации и официальной переписки⁹ Запорожского Коша и произведения российских историков Г. Юнкера, Г. Миллера, А. Ригельмана

и Н.Г. Леклерка, чиновник по особым поручениям при Новороссийском генерал-губернаторе Воронцове Аполлон Скальковский заявил, что казаки-запорожцы по своей природе были женоненавистниками, имели «безбрачный» статус казаков-сичевиков¹⁰.

Казакам-запорожцам, со слов исследователя, запрещалось не только жениться, потому как казак «...за потерю девственности (особенно в Сечи) мог поплатиться головой...»¹¹, но и приводить женщин в пределы Вольностей Войска Запорожского Низового. Исключив женскую составляющую из быта, традиций и повседневной жизни запорожцев, Аполлон Скальковский рисовал запорожское казачество как монашеский рыцарский орден, главной социальной функцией которого было защищать рубежи христианского православного мира. Близкими к «официальному» взгляду в оценке положения женщины в запорожском казацком социуме были и работы Пантелеймона Кулиша¹² и Даниила Мордовцева¹³. Интерес к нему исследователи сводили к казацкому братству («запорожцы создали себе семью без женщин»)¹⁴ и провозглашенному П. Кулишем тезису «Не ступай бабо ногою у січовий Кіш, лучче в домовину»¹⁵. Таким образом А. Скальковский, П. Кулиш и поддержавший их Д. Мордовцев к середине XIX в. разработали концепцию, согласно которой фигура женщины в пределах Вольностей Войска Запорожского Низового рассматривалась казачеством как нежелательная, а то и неполноценная.

Возникновение национальных традиций историописания и учреждение украинских научных школ в исторической науке, во второй половине XIX в., способствовали активизации процессов научного поиска и расширению источниковой базы историко-феминологических исследований в Украине. Изучение отличительных черт ментальности украинского народа благодаря обращению к архивным, мемуарным и фольклорным источникам стало определяющим в научных трудах историков Николая Костомарова, Владимира Антоновича, Иосифа Ролле и Ореста Левицкого¹⁶.

Первый шаг в историко-феминологических студиях Н. Костомаров сделал в своей диссертации «Об историческом значении русской народной поэзии», которую защитил в 1844 г. Далее, в известном труде «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях» (1860)¹⁷ историк отметил, что «жены козаков были их помощницами и даже ходили с ними в походы»¹⁸ и вообще пользовались сравнительно большей свободой, чем великорусские женщины¹⁹.

Весомый вклад в исследование проблематики, связанной с историей женщин казачьего Запорожья внес и Владимир Антонович. Несмотря на то что историко-феминологическое наследие В. Антоновича выглядит достаточно скромно (в активе ученого только два сюжета, косвенно посвященные проблемам истории военной повседневности женщин Украины раннего Нового времени), – однако его вклад не преувеличен. Благодаря его усилиям на страницах журнала «Киевская старина» был основан первый в украинской историографии историко-феминологический дискурс «женского запорожского», который выстраивал парадигму «видения» истории женщин казачьего Запорожья, опираясь на национальные культурные ценности²⁰.

Дорогу ему на страницы «Киевской старины» проложила опубликованная в апреле 1883-го рецензия историка²¹ на книгу Д-ра Антония Ж. «Niewiasty kresowe» – «Женщины на окраинах», которая незадолго перед тем увидела свет в Варшаве²². Ее автор – почти неизвестный широкой общественности, но талантливый польский историк и беллетрист Иосиф Ролле, основательно познакомившись с комплексами письменных источников из частных и государственных архивов, создал 6 биографических очерков, которые воспроизводили быт и повседневную жизнь женщин Волыни и Подолья XVI–XVII вв.²³ Рассказывая о сценариях участия шляхетных женщин Украины в поисках, обменах и выкупах пленных (включая приезд на Запорожье и переговоры со старшинами в Запорожской Сечи), историк из общего массива казачьих обычаев впервые выделил элементы опыта участия женщин шляхетного сословия в пределах Запорожских Вольностей и Запорожской Сечи²⁴. Другая работа И. Ролле из его феминологического цикла, напечатанная в «Киевской старине», была посвящена женщинам при Чигиринском дворе во второй половине XVII в.²⁵ На страницах этого труда представлены и отдельные сценарии тыловой повседневности женщин казачьего Запорожья. Историк обратил внимание на то обстоятельство, что во время военных действий женщинам приходилось иногда искать убежище в обозах (казачьих) и разделять с мужчинами все трудности и тревоги кочевой жизни...²⁶

Названные исследователем женщины, в большинстве случаев, были женами, сестрами, любовницами и пленницами казаков. Со слов И. Ролле, среди казачьих жен были «не только *местные по происхождению* (курсив мой. – А. К.), но и шляхетные польки, еврейки, молдаванки, армянки и даже, иногда, татарки...»²⁷ Случаи женитьбы запорожцев на захваченных в плен женщинах, по наблюдению

исследователя, были, скорее, нормой, чем аномалией повседневной жизни казаков.

В 1887 г. рассмотрение проблем, связанных с военной повседневностью женщин казацкого Запорожья, переносится в этнографически-этнологическую плоскость. В августовском, за этот год, номере журнала «Киевская старина» была напечатана небольшая заметка Ивана Пономарева «Запорожская песня»²⁸. Речь в ней шла об украинской исторической песне «Ой не знав козак», в которой рассказывается о военной активности сестры запорожского казака Супруна, которая, узнав о том, что брат «в воскресенье до восхода солнца в неволю попался», «начала своим добрым конем, как огнем, лететь» ему на помощь. Добравшись до места пленения брата, она начала воевать, брата из неволи освобождать, а «бусурманев в полон гнать»²⁹. В следующем (сентябрьском) номере «Киевской старины» был опубликован отзыв Владимира Каллаша на публикацию И. Пономарева. Означенная публикация имела красноречивое название «Малорусская поленица»³⁰. Автору статьи в сюжете песни о казаке Супруне и его сестре, «малорусской поленице», слышался отзвук преданий времен Киевской Руси о женщинах-воительницах – «типе очень обыкновенном в древнерусском былевом эпосе...»³¹

На рубеже XIX и XX вв. к разработке обозначенной в заголовке статьи проблематики присоединился профессиональный историк, выпускник Харьковского университета Дмитрий Яворницкий³². Его наблюдения относительно присутствия женской составляющей в культурном пространстве казацкого Запорожья были сделаны в соответствии с распространенным имперскими государственными структурами «официальным» взглядом на запорожское казачество и отношения запорожцев с женским полом. Оттолкнувшись, главным образом, от свидетельств инженера Семена Мишецкого, немецкого ученого-путешественника Христофора Манштейна, академика Иоганна Георги³³ и работ А. Скальковского, историк повторил сформулированную в начале XIX в. мифологему о запрете появления женщины в пределах казацкого лагеря – Сечи – *«будь она даже матерью, сестрой или посторонней для козака женщиной»*³⁴ (курсив мой. – А. К.) и о пренебрежительном, в интерпретации Д. Яворницкого «насмешливо-мальчишеском», трактовании казаками прекрасного пола: *«...рыцарю и рыцарская честь: ему надо воевать, а не возле женщины пропадать...»*³⁵ и т. д.

Становится очевидным, что закодированную в былинах, преданиях, а также в исторических песнях информацию о присутствии в культурном пространстве Запорожья женской составляющей Д. Яворницкий воспринял поверхностно, не обратив на эту проблему должного внимания³⁶.

Становится очевидным, что отечественные историко-феминистические студии XIX в., направленные на освещение истории женщин казачьего Запорожья, заявили о себе как о перекрестке разных научных течений. В соответствии с этим, в украинском нарративе выделилось, как минимум, два историко-феминистических дискурса, касающихся проблематики, связанной с присутствием «женского» в культурном пространстве казачьего Запорожья. Первый отечественный историко-феминистический дискурс выстраивал парадигму «видения» женской истории, пользуясь навязанной тогдашнему украинскому социуму типом мировосприятия (конструкт «не-национальной памяти»). Он был представлен творческим наследием историков А. Скальковского, П. Кулиша, Д. Мордовцева и Д. Яворницкого, которые сформулировали мифологему, согласно которой фигура женщины в пределах Вольностей Войска Запорожского Низового рассматривалась казачеством как нежелательная, а то и неполноценная³⁷.

Второй историко-феминистический дискурс был создан на основе национальных культурных ценностей. Он был представлен научно-творческим наследием Н. Костомарова, В. Антоновича, И. Ролле, В. Каллаша. Эта группа ученых была убеждена, что женщины на украинско-татарском пограничье были и их жизненное пространство было тесно связано с повседневными практиками казаков-запорожцев и запорожским казацким войском. Трудом названных историков военная повседневность женщин казачьего Запорожья была выделена из общего массива казацко-шляхетских обычаев и короткими сюжетами вписана в историю казачьего Запорожья и Украины в целом.

Таким образом, рассмотрение феминистически ориентированных публикаций украинских историков второй половины XIX в. с позиции присутствия в культурном пространстве Запорожья «женского запорожского» открывает целую неисследованную «планету» под названием «история женщин казачьего Запорожья»³⁸ в ее теоретическом разнообразии и социокультурных практиках. Понятно, что предложенное название в определенной степени условно и является

удобной маркировкой, которая позволяет разграничивать сущности. Однако, введение этого понятия позволяет «видеть» в культурном пространстве казацкого Запорожья женское присутствие и сценарии женских повседневных практик.

Реконструкция научного наследия украинских историков, связанного с изучением истории быта, традиций и повседневной жизни женщин в запорожском казацком социуме, открывает возможность создания новых моделей исторической науки в сочетании с факторами пространства и времени.

¹ Под военной повседневностью (где повседневность рассматривается, как обычный и привычный ход жизни, наипервейшей реальностью, на почве которого возникают все остальные составляющие человеческой жизнедеятельности) автор понимает весь комплекс повседневно-бытовых реалий людей, в которых ведущую (нормирующую и формирующую) роль играет «военный фактор». См.: Кривошей О.П. Дискурс тылової повсякденності ординарних жінок України першої половини XVII ст. у науковій спадщині Ореста Левицького // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2012. Вип. 24. С. 64.

К военной повседневности (макроструктура высшего уровня) автор относит две взаимозависимые макроистории (макроструктуры) низшего уровня – фронтовую повседневность – сами войны (где война рассматривается автором как социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия), революции и разного рода вооруженные локальные конфликты, а также тыловую повседневность – реалии, которые эти войны, революции и вооруженные локальные конфликты сопровождают: расквартирование войск, реквизиции, военные заготовки, военно-санитарная деятельность, военное положение, обеспечение повседневных потребностей жизнедеятельности как отдельных воинов, так и военных подразделений в целом и т. д. Указанные выше макроструктуры – истории фронтовой и тыловой повседневности, в свою очередь, состоят из «микроисторий» более низкого уровня: природа, ландшафт, вооружение, питание, военное снаряжение, жилье, фортификационные и оборонительные сооружения, условия ратного и мирного (тылового) труда, отдых, быт, транспортные средства, медицинская помощь, социальная адаптация, восприятие событий сквозь призму сознания отдельной социальной группы или индивидуума, народная песня, танец и т. д. См.: Кривошей О.П. Гендерні виклики фронтової повсякденності козацького Запорожжя у науковому доробку українських істориків (1946–1991 рр.) // Українознавчий альманах. Київ, 2013. Вип. 11. С. 140–141.

² Нельзя не согласиться с тем, что меняющийся ритм существования в Запорожье, где человек ежеминутно должен был быть готов перейти от мирных занятий к военным действиям, полагаясь только на собственную смекалку, мужество и Божью милость, требовал иного внутреннего закона и порядка, чем тот, что был выработан институтами стабильного мира. В таких условиях повседневная жизнь населения подчинялась прежде всего военным принципам организации жизнеустройства. Подобные обстоятельства жизни должны были отразиться не только на мужчинах, но и на проживающих

на пограничье женщинах, и поэтому запорожская женщина должна была проявлять и общую грубость, и склонность к насилию. Таким образом, в пределах Запорожья условия существования (выживания) превращали обычного (гражданского) человека в «homo militans» – «человека военного», с соответствующим «набором» норм морали, обычаев и традиций. Поведенческие стереотипы «человека с саблей и ружьем» формировались вокруг привычных ему предметов и вещей, в число которых обязательно входило оружие (набор холодного и огнестрельного), а также боевое снаряжение. Бытовые вещи «человека военного» создавали привычки людей, формировали их мировоззрение и статусное поведение. «Жизненные миры» рядовых граждан, «маленьких людей», в условиях войн и вооруженных локальных конфликтов, как правило, приобретают особые черты и формы, формируя, таким образом, особый (кризисный) мир – военную повседневность, в которой человек живет и взаимодействует с другими людьми. См.: Кривоший О.П. Гендерні виклики фронтової повсякденності козацького Запорожжя у науковому доробку українських істориків (1946–1991 pp.). С. 140.

³Цергелев (Церетели) Н. Опыт собирания старинных малорусских песен. СПб., 1819. В ряд текстов этого сборника введена женская составляющая, как неотъемлемая часть повседневной жизни украинского (казачьего) социума XVI–XVII в. Исторические песни прославляли не красоту и покладистость женщин, а их мужество, силу воли и воинственность.

⁴Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. 286 с.

⁵Срезневский И.И. Запорожская старина. Ч. 1. Харьков, 1833. 132 с.; Ч. 2. Харьков, 1838. 140 с.

⁶Скальковский А.А. Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, села Михайловского, Никиты Леонтьевича Коржа // Журнал Министерства народного образования. 1838. Кн.V; 1839. Кн. II. № 21. С. 171–202.

⁷Иконников В.С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Сравнительно-исторический очерк. Киев, 1874. С. 29–31.

⁸В XIX в. украинская и российская истории рассматривались как течения единокорпусного потока и украинские ученые считали российскую историю и культуру своей (см.: Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної історії України. Киев: Критика, 2004. С. 188). Согласно этой схеме рассматривалось и положение женщины в украинском казачьем социуме.

⁹Американская исследовательница Х. Смит (H. Smitt) считает, что если историк будет искать материалы о женщинах таким же способом, как и о мужчинах, он, вероятно, мало что найдет. Если женское существование было отделено, то и поиск материалов увенчается успехом лишь тогда, когда кто-то заинтересован в сохранении соответствующих документов или информации об активности женщин. – См.: Smitt H. Feminism and the Methodology of Women's History: Theoretical and Critical Essays / Ed. V.A. Carroll. Chicago, 1976. P. 372.

¹⁰Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Извлечена из собственного запорожского архива. Одесса, 1841. 437 с.

¹¹Скальковский А. Історія Нової Січі, або останнього Коша запорозького. Дніпропетровськ: Січ, 1994. С. 211.

¹²Записки о Южной Руси / Изд. П. Кулиш. Т. 1. СПб., 1856. 324 с.; Т. 2. СПб., 1857. 355 с.

¹³Мордовцев Д.Л. Гайдамачина: историческая монография в двух частях. СПб., 1870. 484 с.

¹⁴Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 65.

- ¹⁵ Куліш П. Твори. В 2-х т. Т. 2. Киев: Дніпро, 1989. С. 417.
- ¹⁶ Кривошей А.П. От исторической феминологии к истории женской повседневности военной эпохи (На примере украинской историографии XIX – начала XX века) // «Российская гендерная история с Юга на Запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года, Нальчик / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, М.А. Текуева. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. Т. 2. С. 272.
- ¹⁷ Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст. СПб., 1860. 303 с.
- ¹⁸ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск: Русич, 2002. С. 136.
- ¹⁹ Костомаров Н. Черниговка. Быль второй половины XVIII века // Твори в двох томах. Т. 2. Киев, 1990. С. 582–739.
- ²⁰ Кривошей О.П. Амазонки і «амазонство» в українській фольклорній традиції та історіографії другої половини XIX – першої третини XX ст. // Київська старовина. 2012. № 4 (406). С. 67–68.
- ²¹ Антонович В. (В. А.). Рец. на кн.: D-г Antonij J. Niewiasty kresowe. Warszawa, 1883. С. 873–876.
- ²² D-г Antonij J. Niewiasty kresowe. Warszawa, 1883. 224 с.
- ²³ Антонович В. (В. А.). Рец. на кн. С. 873.
- ²⁴ Д-р. Антоній І (Ролле І.І.). Украинские женщины: Исторические рассказы // Киевская старина. 1883. № 6. С. 273.
- ²⁵ D-г Antonij I. Женщины при Чигиринском дворе // КС. 1894. Т. 44. № 1. С. 107–126; № 2. С. 282–304; № 3. С. 512–529.
- ²⁶ Д-р. Антоній І. Жінки при Чигиринському дворі / Публ. за ж. «Киевская старина». 1994. № 1–3 // Хроніка-2000. 1994. № 3–4. С. 148.
- ²⁷ Там же. С. 149.
- ²⁸ Пономарев И. Запорожская песня // Киевская старина. 1887. Т. 18. № 8. С. 587–588.
- ²⁹ Історичні пісні / АН України, Інститут мистецтвознавства фольклору та етнографії / Упор. Березовський І.П., Родіна М.С., Хоменко В.Г.; Нотн. мат. Гуменюк А.І.; За ред. Рильського М.Т. і Гуслистого К.Г. Киев: Видавництво академії наук Української РСР, 1961. С. 358.
- ³⁰ К-ш В. [Каллаш В.] «Малорусская поленица» (женщина-богатырь) // Киевская старина. 1887. Т. 19. № 9. С. 196–197.
- ³¹ Там же. С. 196.
- ³² Кривошей А.П. Дискурс тыловой повседневности женщин козацкого Запорожья в научном наследии украинского историка Дмитрия Яворницкого // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Тверь, 4–7 октября 2012 г. М.: ИЭРАН, 2012. Т. 1. С. 264–267.
- ³³ Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків: У 3 т. Львів: Світ, 1990 Т. I. С. 115, 181.
- ³⁴ Там же. С. 181.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Кривошей О.П. Тилова повсякденність жінок козацького Запорожжя у науковому доробку академіка Д.І. Яворницького. Межі присутності // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Киев: Інститут української археології та джерелознавства

ім. М.С. Грушевського НАН України, 2012. Вип. 25. С. 136–148.

³⁷ Кривоший О.П. Амазонки і «амазонство» в українській фольклорній традиції та історіографії другої половини XIX – першої третини XX ст. С. 64.

³⁸ Термин «история женщин казачьего Запорожья» используется нами для характеристики направления исторического знания, объектом исследования которого выступают женщины в истории Запорожья – историко-географической области на юге Украины, их правовое положение, функциональные роли, место в общественной жизни и создании национально-культурного пространства. См.: Кривоший О.П. Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 2013. Вип. 31. С. 37.